

ОСТАТКИ отряда Ефима Соловьева укрывались в глубокой балке, окруженной со всех сторон старыми, заросшими деревьями. Огромные судачьи сосны и пихты, с трудом удерживая в лапах снежные шары, сурово охраняли волевою тайну. Тихая стояла в балке сухая и морозная.

Принимаясь спать в стволу сосны, слова Сергея Крутого, гримз сузари и редукционно смотрел себе под но-

— Прости, Сергей. Осточертело. И каная им сила, к хрену. Шальная горстка шлетегов. Разобдемся по своим деревням, просящимой наймем на Советскую власть...

— Приропаладуй? За Советскую власть надо драться, в промь драться! Повавто?

Крутого отступил назад. Слова уперся спиной о ствол, закрыл глаза, стиснул зубы, чтобы не заснохать от обиды, от бессилка, от боли в ноге. По неподвижным фигурам,

помером — и Гурьевск. Советскому надо обойти. Незавестно была там власть. Как бы не влипнуть.

А боль в ноге становится сильнее и сильнее. Будто кто заснаывает колесо...

Ефим Соловьев вникался в землянку Крутого, Киселева и Задорнова, большакана из Диноро-Судачинска. Командир отряда вместе с шерошими армянами влезали, головой под самый потолок, ходы из угла в угол, сдуваясь от ра-

шай, нас идут в Гурьевск. Рабочие завода. Больше отны черошев. Намотреву дожны выступить. Выиграем или проиграем бой а туда добраться нужно. Это решение шароший комитете... Заполка шарош и адрес явни...

Крутого смотрел на командира и не подображал, что адлет его в последний раз. Нет, сох его уахдел еще раз на рассвете, когда отряд вернется в село. Огромной а ометотенной. Соловьев донора винтовку на ствол, разматывал со сна оглоблей и отбикался от наседальных на него колчановских. Крутого только усмехался.

— А, туды выку шить... А, шловои...

Приседал, он был то одного, то другого из подобранных армог. И когда на ствол расклатывалась наседаль челоши, от него шарошукана шид от прокляшого.

Крутого подобрал на волюще командира, но армяк пула его оеоредил. Пула попала в голову. Соловьев естественно поддал над головой винтовку с распяланным прикладом. Урынул на и оустился на одно колесо, потом на другое и толкнулся мячмом в снег. И в миг снаг обернулся вправо.

По доносеиной разведки колчановских была в селе не больше сотня, а тут за оназалось в три раза больше. Или обрешили ребята или пришло мячмо подареплем.

Отряд Соловьева потерял а этом бою почти всех партизан. Только небольшая горстка во главе с Крутовым Сергеем ушла в зарба тайги и в течение нескольких дней кутала слалы, шид укрыватся.

А сейчас Крутого, помощник командира, остался один в густой и заросшей тайге. Иди тамкель. Вало шид свет селай, крутого подвонский, не сдерживает шаг. Но в ночи ударит мороз, и свет смичется. С большой весом шабдо не распластается. Ну что ж, иди не смонет — поволяет. В город он обязательно доживет пошты.

Необходимо сообщить рабочим, чтобы не ждали отряд, а выступили самостоятельно. Теперь его мячмо нужно не ему одному. Он должен быть там. Сергей Крутого не трус, он не дрожит за полня, но отодать ей широты тоже не ишперен. Ишь уж замалится дрова для класов, шакет надо добиваться победы. На он податься за Советскую власть.

Ровом Крутого аз Амендрово. Есть такая деревня. Расположена на берегу Тоши. Ила там далак крутой поворот, и в две улицы расположилась деревня на этом евообразном полуострове. С ротивоположной стороны и самым огородам примыкает ласчатая тайга. До амендровеши мячмо не доходит вести с большой земли. А ели доходит то поздно.

(Продолжение следует)

Петр Шмаков

СУРОВЫЙ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

Славной памяти Степана Крутого, партизана, бывшего политрука партизанского отряда Гурьевск.

ги Серое, обласеивше морозами в ветрами лаво, кудо лосилоса, как издранный наждачной бумагой металл. Поламывало праую колеску, задевая в подвале бою жулей. Штанна разорвала и явля сировалелка повалила.

На ветлах, брошенных за снег, сидели человек десять. Все молчали. Изломанные, усталые лица в морщинах. Некоторые считали сузари. У каждого не более десятка. Это же, что осталось из провианна.

Крутого поднял лицо вверх и увидел вон змурото неба. Серое и густое, оно вешло совом низно и ночью красовало жерничи сосны. Крутого отойел от ствола, сделал несколько шагов в сторону сиванних мужичи и наговори хршоловатым, глухим голосом:

— Повавто, нас вотрешали вправо, — он обвел взглядом каждого, кто был перед ним и чуть тише, но резко прооошквал. — Ничего не скажишь, вотрешали здорово, но все не сложил. Мы, как-никак — сила. Повавто, надо добраться до Сергеевского хутора. Там мы разложимся вкрутой и дождимся. Там есть кайя люди. Повавто, отуда из Гурьевск. Там идут нас Ефим тореший был командир. Ишь его, поаомно. В трех верстах ототинала сторонака. Наведели хутор и дьялелся... Наведла иконки. Обшиывают его со всех сторон...

— Знаешь, Сергей, мы тут виче думлем. — Это Филипп Бешкин его одооелчанин. Крутого его подкачил выкрасить лошадей у богача и убежать в партизане. Сейчас не смотрит Сергею в глаза. — Перешли мы по домам лодаться. Жару подкочить. Разведать, что с нимман. А там... дале видно будет...

Крутого свел густые черные брови к переносице, удержал в торец бранный ирри и тихо выдал: за себя.

— Это... Это, что ж... Как понимать? Филипп... Да Ну... И-предательство? — Задвинулся от гикни проклял горло мячмом, дививил:

— И-предательство... Повавто?

по темным лицам Крутого пошла: мячмо не уаеотелся усталых людей, потерявших иеру в победу после последнего бою. А Сергеевский хутор — единственная надежда. Только там можно поаомитьга людьми. И тогда отряд станет бошой единией. Обязательно надо добраться до Гурьевска. Там ждет, Соловьев дотороился. Он мн асегда надеялся на удачу. Но на этот раз она обернулася другой, темной стороной.

Крутого глядел последнюю поштыку повести за собой ребе.

— Нам идут в Гурьевск, — начал горито он. Но его перебил Филипп.

— Нам идут три армяки мячмо.

— Но тебе нельзя возвращаться в село, Филипп!

— Обойдется как-нибудь... Мы подем. Советую идти за нами.

— Я остаюсь.

— Счаславно.

Крутого долго и тяжело смотрел в очны уаеоташа. На этот сиванх были иворальные долушубки. Печально замчер ширен снага от шикво трисиды подштыл. Сразу же подштыла со шет сторож гышка болашая и трупила. И чтобы она не рассылалась. Крутого осторожно достал из кармана пистолет, вставил в него последнюю обойму и горано адунал: «Нет и в один, как странник. Что делать? Не опунать же ружья. Момент зон не податься за ребятами? Отрешиться бы гае. Найти бы кайю отряд, алатыги Крутого, не расинсай. Тебе Соловьев передал пароль и имену? Выредел? Повавто, надо вышодить. Там идут люди. Иди, иди и еще раз зати Борья не кончилася...»

— Борьтыя? — вдух спамал он и эго распласталос, различил о стрелы на отшук и раставо. Сосна триснула вершинкой, и на пласо мячмо упал ком снага. Крутого глядел ствол сосны за друмескую поддержку и стал выбираться из ботни наверх. Мысленно он уже видел путь, что ему придется одолеть. Проидет он север километры три-четыре, в там — торня армог. Еще полтора-два десятка ки-

лометров Широак как зопать, ладовой он стеснелся и потому асегда держал их за шикво. Мрачный и рещительный. Соловьев был любящим отрядом.

На армяну на вощеших, он проползал жерить зембеку, четыре шага в одну копей, четыре — в другой. Четверть — в одну копей, четверть — в другой. Дором остываился у ствола, смолочешного из ишесидных широних длак, растелелка потрепашку, шилеую на снег, карту, сплосилас над шей и долго молчал, разглядывая тоши и неровные зигзагообразные линии.

— Мы войдем в село на рассвете вот с этой стороны.

Его крупный уаеоташий падел ткнулся в крохотный крушечек.

— Враг считает, что мы вот здесь подходимся.

— Но мы здесь и подопроеся, — уаеоташо подкал глаза на командира Задорова.

Его лицо с узкими подбородком и плоским углешком носом вытянулось, замерло в сивиданки ответа.

— Верно. А утром здесь будем. Что подучается? А вот что подучается заданки мы не адуру, как тошмо станет. По гроб помять буду. Главное не дать им озаминитя. Иаде расшотит нас и в шест, и в гурю. Разбить их — это едлствешный змыд выйти изпод «дружеской» оежки. Вопросы?

Соловьев запырмился из зелья рощ и оады заходил по углам в угол. Было в его движених что-то уаеоташешет, кивляных ружьями, приподнимет пошолон и откжет его в сторону, добывая таким образом свободу.

Но Крутого знал, что командир может держаться при самых необыкновенных ситуациях. Только лицо его выдалало. Оно становилось белым и желтым. Глаза суживались до предела.

— Нет вопросов? Готовимся сейчас же и выступаем. Крутого задривился... Ты вот что, Сергей... В случае чего — немедля упрямеша.

— Но Ефим

— Ишакит шор. В бою асехое может быть. Так вот